

Рыцарь из легенды

На спектакль Парижского культурного центра Бобиньи и Национального театра Марселя «Сид» москвичи, избалованные в этом году зарубежными гастролями, шли с особым чувством.

«Сид» — редкий гость на нашей сцене, хотя и принадлежит к самому высшему ряду мировой драматургической классики. «Прекрасен, как «Сид» — эта формула художественного совершенства, запечатлевшая восторг первых зрителей корнелевского творения, жива и сегодня для французов, как жив и стабилен репертуарный интерес к старинной пьесе.

Диалог с собственной драматургической классикой всегда безошибочно показателен для понимания духовного состояния нации, ее нравственного климата и художественной ориентации.

Драматическая история легендарного полководца Родриго-Сиды, в юности ценою потери любви выполнившего долг чести, предстала в режиссерской интерпретации Жерара Десарта, выдающегося актера, одного из интереснейших Гамлетов последнего десятилетия. Этот режиссерский дебют продемонстрировал серьезный пьетет ко всем признанным достоинствам знаменитой пьесы: к

ее суровому драматизму и пронзительной лирике, к драгоценной звукописи ее стиха. Академический дух этого величественного зрелища ощущим даже неискушенным зрителем. И уж, конечно, не было здесь тех «новаций», которых мы подспудно ожидаем, когда речь заходит о трактовке очередного классического шедевра. Разве что предметная среда, окружившая героев, ничем не напоминала изысканно-кокетливый и роскошный интерьер времени Корнеля — «эпохи Людовиков», столь хорошо знакомый нам по костюмным кинолентам. Вместо барочной пышности, ослепительного сияния зеркал, свечей, белых париков мы увидели стройное каменное пространство с пологими ступенями в центре, отчужденное и равнодушное к нещоточным коллизиям и кипению человеческих страстей (сценография Пьера Диоса).

Серые массы гранита протороно и ледяно обступили людей, и те, словно приняв условия, диктуемые несентиментальным миром воин-

ственных ритуалов и торжественных выходов облеклись в бледные, безрасочные одеяния, должствующие подчеркнуть уважение к обычаям, власти, порядку. Серозеленые, черные, блекло-белые цвета. Живая краска только на платье Химены (Кароль Ришер), летающей по сцене, как факел. Ей словно отданы цвета огня, только потом они меркнут, и в финале невесты Родриго-Сиды стоит босиком, чуть прикрытая черно-пепельной рубашкой, лишённая всего: любви, надежды, доверия к миру.

А каков же здесь сам Сид, знаковый нам лишь по театральной легенде Жерара Филипа, сыгравшего рыцаря без страха и упрека, светоносного воина и нежного, и трепетного возлюбленного Химены?

Родриго — Самюэль Лабарт смирен и трогательно беззащитен перед внезапно открывшейся необходимостью мстить отцу любимой за поруганную честь Дома. Сраженный роковым известием, он падает на каменные ступени, прижимая к себе меч,

лаская пальцами холодное лезвие, разлучившее его с любимой, но и единственно способное вернуть ее любовь. И совсем иной Родриго — победитель, сумевший одолеть мавров в неравном морском сражении. Бессильное отчаяние первых сцен сменяется в нем каменной умиротворенностью. Он уже как бы часть этого мира с его мраморными фризами, бледным, неживым светом и чучелами хищников — символами мертвой жизни, молчаливой угрозы. Демонстрируя перед Хименой неизменную любовную покорность, он сбрасывает с себя плащ, мундир, блестящие эполеты — атрибуты своего нового бытия, бытия повелителя и военачальника — и остается таким, каким был до своего страшного превращения. Но это ложь. Никогда Сид, кровавожадный и безжалостный, не превратится в смиренного и трепетного Родриго. Недаром в многозначительной финальной мизансцене он — среди окружения короля, «необходимая» деталь картины. Он занял отведенную

ему обществом «нишу», красивый и сильный зверь на службе монарха.

История, рассказанная нам Жераром Десартом и его актерами, это и история восхождения Родриго к своему военному призванию, и повесть о гибели живой души Химены, осмелившейся спорить с миром окаменевших структур. Химена — дочь своего отца (Жак Альрик), такого же импульсивного и непокорного. Рукой Родриго его убивает не справедливая месть оскорбленного достоинства, а та же бездушная и неукротимая сила Порядка, которая затем превращает самого Родриго в некую статую, а Химену — в жалкую и безгласную жертву.

Трактовка Десарта напрочь лишена некоего благостного оптимизма (а мы привыкли считать, что «Сид» «кончается хорошо»). Зато она в избытке наделена острым чувством современности, не мешающим, впрочем, звучать корнелевскому стиху мощно, привольно, убедительно.

Л. БАЖЕНОВА.